

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(7), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Вязинкин А. Ю. Крестьянская молодежь и социальная аномия в советском обществе середины 1920-х годов / А. Ю. Вязинкин, К. А. Якимов // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 7. — С. 413—430. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-7-413-430.

Viazinkin, A. Yu., Yakimov, K. A (2026). Peasant Youth and Social Anomie in Soviet Society of Mid-1920s. *Nauchnyi dialog*, 15 (7): 413-430. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-7-413-430. (In Russ.).

Web of Science™

Scopus®

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Крестьянская молодежь и социальная аномия в советском обществе середины 1920-х годов

Вязинкин Алексей Юрьевич

orcid.org/0000-0003-3821-6168

кандидат философских наук, доцент,

старший научный сотрудник

vyazinkin@yandex.ru

Якимов Кузьма Александрович

orcid.org/0000-0003-1756-3515

кандидат исторических наук, доцент,

старший научный сотрудник,

корреспондирующий автор

kuzma.yakimov@mail.ru

Тамбовский государственный
технический университет
(Тамбов, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет
гранта

Российского научного фонда

№ 22-18-00132-П,

<https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

Peasant Youth and Social Anomie in Soviet Society of Mid-1920s

Aleksei Yu. Viazinkin

orcid.org/0000-0003-3821-6168

PhD in Philosophy, Associate Professor,

Senior Researcher

vyazinkin@yandex.ru

Kuzma A. Yakimov

orcid.org/0000-0003-1756-3515

PhD in History, Associate Professor,

Senior Researcher,

corresponding author

kuzma.yakimov@mail.ru

Tambov State Technical University
(Tambov, Russia)

Acknowledgments:

The research was carried out at
the expense
of a grant Russian Science Foundation
№ 22-18-00132-P,
<https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Данная работа посвящена анализу факторов и проявлений социальной аномии в советской деревне середины 1920-х годов, что связано с революционными преобразованиями, гражданской войной и активной политикой советизации деревни. Подчеркивается, что этот период стал временем глубоких социально-экономических и культурных изменений, в результате которых традиционные институты, уклад сельской общины, оказались под угрозой, что вызвало рост социальной нестабильности, дезорганизацию привычных норм и ценностей. Выделены основные причины возникновения социальной аномии: сохранение имущественного и социального неравенства в деревне, различия в положении рабочих и крестьян в условиях реализации курса нэпа, недовольство налоговой политикой большевиков. Установлено, что важную роль играли и снижение авторитета и доверия к советской власти среди сельских жителей, усиление разногласий и растерянности по поводу новых правил и требований. В качестве факторов, способствующих возникновению аномичных состояний, выделяются перемены в экономической сфере, а также идеологическая политика, направленная против крестьянского традиционализма. Анализируются проявления социальной аномии, среди которых можно выделить рост критических, пессимистических и упадочных настроений крестьянства, а также повышение уровня социальной апатии и отчуждения. Особое внимание уделяется феномену «есенинщины» как характерному симптому молодежного сельского негативизма и пессимизма.

Ключевые слова:

социальная аномия; советская деревня; нэп; есенинщина; крестьянские поколения; советская молодежь.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the factors and manifestations of social anomie within the Soviet countryside during the mid-1920s, a period shaped by revolutionary upheaval, the aftermath of the Civil War, and intensified Bolshevik campaigns to sovietize rural areas. The study argues that this era was marked by profound socio-economic and cultural transformations that placed traditional institutions and the communal way of life under existential threat, precipitating widespread social instability and the disintegration of established norms and values. The analysis identifies several core drivers of rising anomie: persistent property and social stratification within the village; widening disparities between workers and peasants amidst the implementation of the New Economic Policy (NEP); and deep-seated resentment toward Bolshevik tax policies. Furthermore, the paper establishes that a significant decline in the legitimacy of and trust in Soviet authority among the rural population played a crucial role, exacerbating internal discord and confusion regarding new regulations and demands. Contributing catalysts include shifts in the economic sphere as well as ideological assaults directed against peasant traditionalism. The author analyzes specific expressions of social anomie, ranging from the proliferation of critical, pessimistic, and defeatist sentiments among the peasantry to heightened levels of social apathy and alienation. Particular attention is devoted to the phenomenon of “*Yeseninshchina*” as a symptomatic expression of youthful agrarian negativism and despair.

Key words:

social anomie; Soviet countryside; New Economic Policy; Yeseninshchina; peasant generations; Soviet youth.

УДК 94:316.343.37-053.81(47)“1924/1926”

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-7-413-430

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Крестьянская молодежь и социальная аномия в советском обществе середины 1920-х годов

© Вязинкин А. Ю., Якимов К. А., 2026

1. Введение = Introduction

В начале XX столетия Россия переживала один из самых бурных и драматичных периодов своей истории. Революционные события, гражданская война, интервенции иностранных держав, внутренние социально-экономические кризисы — все это создало сложнейшую и нестабильную обстановку в стране. Особенно остро эти процессы ощущались в деревне — традиционной опоре российского общества. В 1920-х годах советское руководство поставило перед собой задачу радикально трансформировать сельское хозяйство, ликвидировать крестьянский самобытный уклад, внедрить новую идеологию и построить производственную систему в рамках концепции социалистического строительства.

Однако введение новых политических и экономических порядков в селе столкнулось со значительными внутренними противоречиями и сопротивлением. В этих условиях становилась особенно актуальной проблема социальной стабильности и психоэмоционального состояния крестьянских масс. Данная ситуация способствовала возникновению и развитию негативных социально-психологических явлений, таких как дезорганизация, отчуждение, рост пессимистических настроений и девиантных поведений.

Актуальность анализа факторов и проявлений социальной аномии в советской деревне в середине 1920-х годов обусловлена современными подходами к изучению исторических и социокультурных процессов, связанных с переходом от традиционного общества к индустриальному, в том числе в поколенческом фокусе. Понимание механизмов и факторов возникновения социальной аномии позволяет глубже осмыслить особенности социализации, сопротивления переменам, а также причины возникновения деструктивных явлений внутри общества в этот сложный для российской деревни исторический период.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Основу источниковой базы настоящего исследования составили архивные документы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Особое внимание уделялось изучению протоколов, отчетов и докладных записок о работе партийных и комсомольских работников, мобилизованных для работы в деревне. Полезным оказалось привлечение рассекреченных информационных сводок ОГПУ о характере общественных настроений в советской деревне, а также крестьянских писем и обращений во власть. Ценные сведения о проявлениях социальной аномии и девиантного поведения крестьянской молодежи сохранились в материалах периодической печати («Комсомольская правда», «Журнал крестьянской молодежи», «Беднота», «Молодой большевик»).

Анализ факторов и проявлений социальной аномии в советской деревне 1920-х опирается на теоретико-методологические подходы Э. Дюркгейма [Дюркгейм, 1998] и Р. Мертон [Мертон, 2010], разработавших концепцию аномии. Этот феномен рассматривается социологами как важное проявление социальной дезорганизации. Э. Дюркгейм и Р. Мертон подчеркивают, что аномия — это проявление социальной дисгармонии, но причины этого и направления ее возникновения различны. У Э. Дюркгейма аномия — это состояние, связанное с кризисами и переходами, временное и вызывающее социальный распад. У Р. Мертона — это структурное несоответствие между целями и средствами, которое имеет устойчивый характер и приводит к девиантности и отклонениям. В контексте нашего исследования продуктивным является сочетание подходов социологов, поскольку это позволяет нам рассматривать социальную аномию как сложный феномен, который может быть результатом кризисных ситуаций или структурных противоречий внутри общества.

Избранный фокус исследования позволяет установить поколенческую специфику настроений, а на примере феномена «есенинщины» вскрыть неочевидный на первый взгляд механизм межпоколенной интеракции в культурной и духовной жизни сельского социума. Рассмотрение проблемы в этом аспекте обосновывается использованием элементов историко-поколенческого анализа, опирающихся на теоретические положения Т. Шанина [Шанин, 2005] и К. Мангейма [Мангейм, 1998] о том, что поколение — это социальная группа активистов, пережившая более

или менее единообразный исторический опыт и представляющая собой одну возрастную когорту.

В исторической науке проблеме советизации общества в целом и российской деревни в частности в 1920-е годы посвящено множество работ. Исследования С. А. Есикова [Есиков, 2010; Есиков, 2011] и В. В. Кондрашина [Кондрашин, 2024] посвящены проблемам социально-экономического характера, в них определены некоторые факторы распространения критических настроений в деревне.

В работах В. П. Булдакова [Булдаков, 2012], Н. Б. Лебиной, П. В. Романова, Е. Р. Ярославской-Смирновой [Лебина, 2015; Лебина и др., 2007], А. Я. Лившина [Лившин, 2010], Ю. Орловой [Орлова, 2004], П. Кинеза [Kenez, 2003] рассматриваются проблемы взаимоотношения общества и власти в 1920-е годы в контексте феномена политического контроля, а также в аспекте оценки влияния советской политики на повседневную жизнь в деревне и крестьянскую ментальность.

Важны для нашего исследования и труды А. Ю. Рожкова [Рожков, 2014; Рожков, 2016], А. А. Слезина [Слезин, 2023], Ю. А. Стецур [Стецура, 1998], Э. Горсач [Gorsuch, 2000], посвященные молодежной проблематике в раннем советском обществе, в которых отражены также темы историко-поколенческого характера. Данное исследование учитывает и теоретические выводы работ, посвященных проявлениям «упаднических» настроений [Тяжельникова, 1998; Pinnow, 2010] и выявлению значения фигуры С. А. Есенина в социокультурном пространстве советского общества 1920-х годов [Серегина, 2016; McVay, 1972].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Критические и пессимистические настроения в деревне

К середине 1920-х годов российская деревня уже два десятилетия как находилась в стрессовой ситуации: события первой русской революции сменились мобилизацией периода Первой мировой войны, затем последовали радикальные революционные перемены, дезорганизация социальных связей, гражданская война и, наконец, агрессивная антитрадиционалистская политика советской власти, которая нередко делалась руками деревенской молодежи. Причиной аномии были и внутренние противоречия, спровоцированные сильным контрастом между ожиданиями крестьян, которые в первую очередь были связаны с надеждой на то, что власть будет настроена на социальную справедливость, как сами деревенские жители ее видели, и историческими реалиями 1920-х годов. Можно сказать, что крестьяне поколений, чья сознательная жизнь при-

шлась на этот период, находились в перманентном состоянии высоконапряженной эмоциональности, отразившейся на специфике общественных настроений крестьян.

Важнейшей частью повседневности крестьянства середины 1920-х годов была социальная аномия, зачастую выражавшаяся в пессимистических и критических настроениях деревни. Как свидетельствуют сохранившиеся источники, значительная часть крестьянства находила несправедливым курс новой экономической политики в деревне. Одним из главных поводов для проявления недовольства служило представление крестьян о том, что советская власть в первую очередь защищает и поддерживает интересы рабочего класса, а не сельских тружеников. Например, в селе Колчаново Волховского района Ленинградского округа имели место следующие настроения: «Почему в первую очередь снабжают рабочих, а затем уже крестьян?» [ЦГАИПД, ф. Р-24, оп. 5, д. 498, л. 20—21]. В деревне Лязево Ленинградского округа местные крестьяне на собрании по сбору налога заявляли: «Советская власть обирает крестьян, а рабочие живут господами. Крестьянство забито и эксплуатируется рабочими. Рабочим дают все, а крестьян обирают» [Там же, л. 70].

Нередким явлением становились критические сравнения советской повседневности с дореволюционными порядками, при этом акцентировалось внимание на «некрестьянской» политике большевиков. Характерным примером является разочарование в политике большевиков зажиточного крестьянина: «Мне царский режим не нравился, но больше того мне не нравятся большевики, потому что они, обирая мужика налогами, говорят ему, что власть у нас рабоче-крестьянская. А ведь на самом деле власть рабочая, а крестьянин является дойной коровой» [Там же, л. 41]. Еще более наглядной иллюстрацией негативизма сельских обывателей являются рассуждения середняка деревни Волгово Волосовского района Ленинградской губернии: «Крестьянство платит правительству налоги больше, чем прежде, а правительство, именуя себя “Рабоче-крестьянским правительством”, еще взвалило на шею крестьян обязанность возить бесплатно дрова по школам и избам-читальням и камень на дорогу. Прежде правительство крестьянам за это платило деньги. Вот вам и рабоче-крестьянское правительство. Как видите, это громкое название не соответствует действительности. И, по-моему, было бы правильнее так назвать: “Рабочее правительство против крестьян”» [Там же, л. 41].

Примеры разочарования крестьян в политике советской власти (нередко в назидательных целях) размещались на страницах периодической печати. Блестящей иллюстрацией является отрывок из письма крестьяни-

на, опубликованного на страницах «Журнала крестьянской молодежи»: «Почему труд крестьянина не обеспечивается наподобие труда рабочего, который состоит в профсоюзе? Рабочему ставка и 8-часовой рабочий день, он застрахован на всякий случай как лично, так и в семейном положении, а крестьянину ничего» [Деревенские думы ..., 1925, С. 8]. В свою очередь работники издательства стремились убедить читателей в несостоятельности подобных рассуждений [Там же].

Анализ содержания писем коммунистов, мобилизованных в середине 1920-х годов для работы в деревне, также свидетельствует о нарастании антагонизма и негативизма крестьян в отношении горожан. Рассмотрим характерный отрывок из отчета молодого коммуниста Стручкова, занимавшегося анализом общественных настроений крестьян в Спасско-Дмитриевском уезде Калужской губернии: «Крестьяне понимают и готовы поддерживать лозунг “Смычка рабочих и крестьян”, но они прямо-таки протестуют против лозунга “Смычка города и деревни”. Город для крестьян — это скопище паразитов, торговцев, лодырей и т. д., поэтому они его поддерживать не хотят. Крестьяне выражают недовольство тем, что город пользуется культурными благами, а деревня нет» [ЦГАИПД, ф. Р-16, оп. 1—6, д. 6125, л. 134 об.]. Схожие темы разговоров среди крестьян зафиксировал член РКП (б) Шитмяц в слободе Поповка Каширского района Донецкого округа: «Почему наш хлеб становится дешевле, а мануфактура и остальные городские изделия дорожают?... Вот вы, рабочие, ходите в хороших сапожках и пальто, а мы в рваных» [Там же, л. 162]. В отчете Орловского райкома РКП(б) за июнь — сентябрь 1925 года также фиксировалось, что в беседах с крестьянами выявляется негодование на рабочих, у которых, по их мнению, очень короткий рабочий день, что является причиной товарного дефицита и дороговизны промышленных изделий [Там же, л. 117]. Аналогичную аргументацию высоких цен на промышленные товары мы находим в опубликованном отрывке из письма крестьянина: «Полагаем, что в 8-ми часовой рабочий день нельзя выполнить и дать нам дешевый товар. Нужно? чтобы работали рабочие больше, чем 8 часов» [Деревенские думы ..., 1925, С. 8].

Нередко осознание сохранившегося неравенства в положении города и деревни порождало у крестьян чувство обреченности. Для многих сельчан середина 1920-х годов стала временем осознания иллюзорности перспективы достижения справедливого общественного порядка. В частности, на кооперативном собрании села Клопицы Волосовского района Ленинградского округа один из выступавших крестьян говорил: «Что бы мы здесь ни говорили, все останется в этих стенах и никакого улучше-

ния не будет, так как все товары идут в рабочие районы, а крестьянину ничего не дают» [ЦГАИПД, ф. Р-24, оп. 5, д. 498, л. 21]. Показателен упадочный тон настроений середняка Архангельской губернии: «Нет никакого порядка, из года в год становится все хуже. В газетах пишут, что промышленность достигла довоенного уровня, а в кооперативах товаров нет» [Там же, л. 20]. В письме комсомольца села Курюки Тамбовской губернии на почве недовольства существующими противоречиями также прослеживались упадочничество и неверие в возможность улучшения жизни в условиях большевистской власти: «Где равенство и братство, которое так хорошо раскрашивали? Где же тут рабоче-крестьянская власть, которая набивает одним карманы, а других обирает?» [Против пессимизма ..., 1925, с. 2—3]. Как видим, значительная часть крестьянства весьма болезненно реагировала на различия в положении советского города и деревни, что в свою очередь укрепляло представления о несправедливой социально-экономической политике большевиков.

Еще одним поводом для проявления негативизма и раздражения крестьян были проводившиеся советской властью в середине 1920-х годов займовые кампании. Недовольство значительной части деревенских жителей большим благополучием городского населения перерастало в откровенную озлобленность, потому неудивительно их желание переложить участие в проводившихся займах на рабочих. К примеру, в деревне Холоповицы Ленинградской губернии выступавший против подписки кулак заявил: «Почему бы не покупать заем рабочим? Они получают хорошую зарплату, правительство им дает всякие льготы. Нам же, крестьянам, ничего не дают, и теперь правительство обманным путем хочет отобрать у нас последние гроши в заем» [ЦГАИПД, ф. Р-24, оп. 5, д. 498, л. 33]. В деревне Замостье Ленинградской губернии крестьянин предложил прибывшему из города агитатору собирать деньги среди рабочих, аргументировав свою позицию следующим: «Рабочие получают по 200 р., а у нас, крестьян, если раньше было по три десятины земли, то теперь осталось две, а поэтому у нас денег нет» [Там же, л. 102]. Не менее иллюстративны рассуждения крестьянина Ролкина: «Крестьянский заем — дело хорошее, да денег нет и негде их достать — заработать... Мы — не рабочие. Крестьянин не только не может купить крестьянского займа, но и не в силах даже заплатить сельскохозяйственный налог» [Там же, л. 212].

Анализ социально-экономических настроений крестьян отражает нараставшее недовольство налоговой политикой большевиков в середине 1920-х годов. В частности, разочарованный сложившимся порядком налогообложения крестьянин Тульской губернии Абрамов в 1925 году за-

являл: «Налог нужно брать с земли, принимая во внимание ее качество. Если не будет облагаться налогом скот, то скорее поднимется скотоводство, будет больше навоза, будет лучше производиться обработка полей, поднимется урожайность и можно будет накопить лишний рубль» [РГА-СПИ, ф. Р-17, оп. 32, д. 4, л. 18]. Схожие мотивы проявления недовольства налоговой политикой большевиков в середине 1920-х годов прослеживались в Иркутской и Калужской губерниях [Там же, л. 19, 32].

Значительная часть зажиточного крестьянства и середняков были разочарованы налоговой политикой большевиков, считая ее несправедливой, поскольку на их плечи легла основная часть налогового бремени. К примеру, в деревне Больше-Заречи Волосовского района Ленинградской области зажиточный крестьянин, возмущенный сельскохозяйственным налогом, говорил: «Обидно платить налог, когда десятки пьяниц не платят. Как видно, справедливого налога при советской власти не будет, а всегда сотни лентяев будут освобождаться, а старательные крестьяне платить налог. Политика советской власти никуда не годится, а особенно налоговая» [ЦГАИПД, ф. Р-24, оп. 5, д. 498, л. 151]. В деревне Курковицы Волосовского района Ленинградского округа середняк, услышав разговор о сельскохозяйственном налоге, с недовольством заявил: «Где же тут справедливость? От налога освободили лодырей и пьяных, которых не следовало бы баловать, так как у них никогда ничего не будет. А нас правительство все жмет налогами» [Там же, л. 103]. В Пестовском районе Череповецкого округа Ленинградской области кулаки требовали отмены налоговых льгот для бедноты, аргументируя это тем, что «все они лентяи» [Там же, л. 23].

В свою очередь беднейшая часть крестьянства, выражавшая свой ропот в отношении новой экономической политики, акцентировала внимание на сохранении имущественного и социального неравенства в деревне. Характерным отражением настроений крестьянской бедноты является отрывок из письма красноармейца-отпускника Фетисова: «Все излишки остаются в руках крестьян. Но они остаются только у середняка и кулака. Конечно, они могут поправить свои хозяйства. Но где же возьмет помощи бедняк?» [Что нам ..., 1922, с. 2]. Аналогичные настроения среди крестьян отмечались в Детскосельском районе Ленинградской области: «Поп и кулак как раньше были в почете, так остаются и теперь. Они могут получить дрова, а бедняку даже хворосту нет» [ЦГАИПД, ф. Р-24, оп. 5, д. 498, л. 151]. Показателен и отрывок из письма крестьянина Приемышева, называвшего себя «другом бедноты»: «Все права на стороне толстокожих: торгуй, закупай, нажимай! Как во времена обмана и экс-

плуатации. Други, гребите против течения! Как тогда, против шовинизма и соглашательства, так и теперь, в сторону отступления от толстокожих» [Что нам ..., 1922, с. 2]. Приведенные выше примеры отражают обострение чувства социальной справедливости сельских тружеников.

Между тем озлобленность и неудовлетворенность крестьян зачастую проявлялись в достаточно агрессивных формах риторики в адрес высшего партийного руководства. Симптоматичной иллюстрацией служат настроения зажиточного крестьянина села Клопицы Волосовского района Ленинградского округа: «Советская власть с каждым годом все больше и больше дерет с крестьян налога и этим доводит их до полного обнищания. Если меня вышлют на Урал, то я на Урале найду коммунистов и в случае перемены власти буду их убивать» [ЦГАИПД, ф. Р-24, оп. 5, д. 498, л. 41].

В некоторых случаях разочарование в результатах НЭПа приводило к социальной аномии и апатии крестьянства, что парадоксальным образом проявлялось в настойчивом ожидании войны. Ощущение неизбежного военного конфликта становилось для отчаявшейся части сельского населения единственным способом избавления от власти большевиков и восстановления справедливого порядка. Симптоматичной иллюстрацией служит отрывок из выступления в 1927 году крестьянина в чайной деревни Губаницы Волосовского района Ленинградской области: «Когда начнется война, то будь я сукин сын, если не убью несколько коммунистов своими руками» [Там же, л. 33]. Подобные агрессивные реваншистские суждения не были единичными. Зимой того же года зажиточный крестьянин деревни Холоповицы Волосовского района Ленинградской области в беседе с крестьянами говорил: «Не позже чем нынешней весной Англия объявит войну большевикам. При перемене власти я убью десяток коммунистов» [Там же, л. 41]. «Военная тревога» порождала и бытовые слухи: так, в селе Никольское Колпинского района Ленинградской области среди крестьян велись разговоры о том, что продукты сознательно скрываются в связи с подготовкой советской властью запасов для войск [Там же, л. 151].

3.2. Упаднические настроения молодежи и феномен «есенинщины»

Ключевыми факторами критических и «упаднических» настроений (негативизм, отчаяние, скептицизм, пессимизм, разочарование и т. п.) в советской деревне были разрушение традиционных форм семейных и общинных связей, кризис системы ценностей, рост бедности и нищеты, а также масштабные инициативы власти по советизации деревни. Про-

явлениями же социальной аномии стали рост преступности, алкоголизм, снижение моральных и трудовых требований, а также повышение уровня социальной апатии и отчуждения [Кондрашин, 2024, с. 471].

На наш взгляд, явление «есенинщины» представляет собой характерный симптом молодежного сельского «упадничества» середины 1920-х годов. Он тем более интересен, что в значительной степени проявился в среде сельской молодежи, недавно переехавшей в город. Можно сказать, что не только состоялся трансферт деревенской ментальности, но и произошло столкновение двух реальностей в сознании многих молодых людей, которое стало катализатором роста девиантного поведения.

Власть сразу обратила внимание на этот социокультурный феномен, который свидетельствовал о распространении декадентского умонстроения, несовместимого с энтузиазмом социалистического строительства, на который рассчитывали партийные руководители. Так, Н. И. Бухарин, обратив внимание на эту «негативную» связь поколений (поколения Есенина и поколения советской молодежи 1920-х годов), писал, что влияние поэта на молодежь сугубо отрицательное, а сам Есенин идейно представляет «самые отрицательные черты русской деревни и так называемого “национального характера”: мордобой, внутреннюю величайшую недисциплинированность, обожествление самых отсталых форм общественной жизни» [Бухарин, 1927, с. 9]. Явление было настолько значительным, что возникла дискуссия о специфике этого феномена. Многие рассматривали «есенинщину» как опасный для молодежи феномен, провоцирующий девиантное поведение, конфликтующее с идеалами революционного воспитания, и указывали на нерасторжимую связь творчества поэта с такими явлениями, как хулиганство, алкоголизм («пьяные подвиги») и суицид. В этом смысле характерен алармизм А. В. Луначарского: «Если хулиганство нечувствительно переходит в уголовщину, то пессимизм нечувствительно приводит к самоубийству» [Упадочное настроение..., 1927, с. 15].

В середине 1920-х годов советское руководство нередко пыталось объяснить распространенность пессимистических настроений среди молодежи возросшей популярностью творчества Есенина, которого, по наблюдению некоторых комсомольских работников, молодые сельчане воспринимали как «главного идеолога крестьянских дум и выразителя чаяний, нужд и жизни крестьянства» [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 749, л. 79]. Например, комсомолец Северов оправдывал рост популярности Есенина среди молодежи, аргументируя свое мнение следующим образом: «Свободной мысли нет. Молодежь права, увлекаясь Есениным, который сегодня в каждой молодой душе» [Там же, л. 48]. Примечателен и отрывок

из письма в редакцию комсомолки Цилии Фельдман, в котором она процитировала настроения молодых «защитников» Есенина: «Маяковские, Жаровы и др. нам надоели своими “комсомолиями”, “бушующими потоками молодежи” и т. д. Хватит с нас “агиток”. Увлечаться только ими, обвинять в мещанстве только тех, кто увлекается Есениным, обвинять в обывательщине и малодушии, кому его тон не по духу, узко и глупо. Военный коммунизм давно прошел. И, в конце концов, в каждом из нас есть кусочек Есенина» [Фельдман, 1926, с. 2].

Акцентируя внимание на «болезненном» явлении, советское руководство резко критиковало возросший в середине 1920-х годов интерес молодежи к творчеству поэта. В частности, на страницах газеты «Комсомольская правда» была опубликована статья «Есенин — зная упадочных настроений», в которой было описано несколько случаев совершения суицида комсомольцами преимущественно крестьянского происхождения [Бергман, 1926, с. 2—3]. В этих биографиях, как правило, фиксировалась оторванность молодых людей от общественной работы, любовная драма и, разумеется, увлечение «мрачной и упаднической» поэзией Есенина [Там же]. Для наглядности рассмотрим характерное признание одного из комсомольцев, намеревавшегося покончить жизнь самоубийством и сомневавшегося в возможности дальнейшего развития революции: «На мой поступок оказало большое влияние чтение Достоевского и увлечение Есениным. Неудачный роман дополнил эти настроения» [Там же].

Во ВХУТЕМАСе (г. Москва) и вовсе была создана тайная студенческая группа «Вольница», члены которой после самоубийства поэта коллективно приняли решение покончить с собой [Там же]. Так, студент второго курса Хвастунов (из крестьян) после известий о самоубийстве поэта принял решение повеситься 16 марта 1926 года, однако свое намерение он осуществил раньше — 26 февраля, оставив следующее стихотворение:

«В сердце смолкнул голос флейты,
В сердце горечь дня.
Не гляди из под бровей ты, не зови меня.
Я ушел в иные шири,
Там иная ледь.
Слишком слезно в этом мире,
Чтоб о нем жалеть.
Жил... я жил, как вошь в соломе.
А теперь кроты...
Приходи, в могильном доме
Отдохнешь и ты» [Гаркуш, 1926, с. 45].

Впрочем, на наш взгляд творчество поэта в большей степени не провозгласило, а выражало социальный настрой крестьянской молодежи. Преобладавший пессимизм среди молодого поколения 1920-х годов был вызван неудовлетворенностью и разочарованием советской действительностью периода нэпа. Как верно заметил в своей критической статье современник происходивших событий П. Серебrenиков, «было бы неразумным утверждать, что творчество Есенина является поводом и причиной наблюдающегося “упадничества” и даже самоубийств. Речь идет только о том, что Есенин становится знаменем для всех тех, кто разочаровался в жизни, кто потерял веру в строительство социализма и в творческие силы революции» [Серебrenиков, 1926, с. 77].

Между тем характер общественных настроений в середине 1920-х годов действительно свидетельствовал о нарастании упаднических тенденций в молодежной среде. Весьма иллюстративен в этом отношении отрывок из письма участника гражданской войны, студента Синдаровского, разочаровавшегося в идеалах революции: «Дух есенинщины я тоже сам на себе испытал, одна случайность не привела меня к концу, хотя, может быть, это было бы и лучше... На меня находили минуты какого-то отчаяния, минуты полного опускания рук. Я, в сущности, не знал — зачем живу на свете» [Обращения ..., 2023, с. 346]. Не менее примечательны материалы комиссии, обследовавшей обстоятельства совершения самоубийства комсомольцем Г., не испытывавшим материальных трудностей [Бобышев, 1928, с. 93]. Результаты общения с его ближайшим окружением показали, что накануне самоубийства он впал в пессимизм, рассуждая о том, что в период гражданской войны самоубийц среди комсомольцев и коммунистов не могло быть, поскольку раньше был героизм, а теперь на смену ему пришли самые обыденные вещи, не вызывающие никакого энтузиазма [Там же].

Проявления социальной аномии и апатии мы находим в письме комсомольца Уварова (из крестьян Самарской губернии), направленном на имя М. И. Калинина, в котором он отмечал, что в реалиях курса нэпа поддается пессимизму, поскольку не верит в успех строительства советской власти и симпатизирует «троцкизму», который, по его мнению, противостоит «кооперативному социализму» [ГАРФ, ф. 1235, оп. 61, д. 195, л. 175—175 об]. Не менее характерны рассуждения учащейся педагогического техникума крестьянского происхождения, констатировавшей у себя упадничество: «Меня мучает, что я такой же человек, как и все, несмотря на то, что рассуждения у меня совершенно другие...Моя жизнь бесполезна, говоря словами Есенина “жить не ново, умирать также не новей”»

[РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 873, л. 47—48]. На страницах «Комсомольской правды» был опубликован показательный отрывок из стихотворения сына батрака (в прошлом активиста молодежного союза), отражающий этот пессимистический настрой следующим образом:

«Мне двадцать лет
Говорят жизни цвет.
Увы... она уж высохший цветок,
Случайно брошенный в песок» [Против пессимизма ..., 1925, с. 2—3].

4. Заключение = Conclusions

Анализ факторов и проявлений социальной аномии в советской деревне середины 1920-х годов показывает, что революционные преобразования, гражданская война и политика советизации вызвали масштабные социальные потрясения, существенно отразившиеся на настроениях сельских жителей. Сохранившееся социально-экономическое неравенство крестьянства, различия в положении сельских тружеников и рабочих, а также недовольство налоговой политикой большевиков способствовали росту дезорганизации, социальной нестабильности и снижению доверия к советской власти. Для многих крестьян нэп стал временем крушения иллюзий и чаяний о справедливом обществе. К 1927 году разочарование в экономической политике советского руководства и социальное бессилие крестьян трансформировались в настойчивое ожидание скорой войны как способа избавления от власти большевиков. Пессимистические и критические настроения крестьян стали отражением социальной аномии в деревне. Авторы не считают, что «упадничество» было доминирующим настроением, но проявления пессимизма, негативизма, скептицизма в отношении власти и в целом состояния отчаяния и разочарования были нередкими.

Особый социокультурный феномен — «есенинщина» как проявление молодежного негативизма и пессимизма — отражает внутреннее сопротивление и кризис моральных ориентиров, являющиеся формами социальной аномии, и вместе с тем в нем можно увидеть нетривиальный вариант поколенческого влияния в духовной жизни социума. Экзистенциальный тупик, в котором оказалась значительная часть крестьянской молодежи, во многом был обусловлен резким переходом от романтики и героизма военных лет к обыденной повседневности периода нэпа. Трудности самореализации в новых социокультурных реалиях приводили к деструктивным формам поведения, романтизации упадничества и, в наиболее радикальных случаях, к суицидальным практикам.

Эти проявления свидетельствуют о сложности процесса формирования новой советской сельской общности, вызванной неудовлетворенностью и отрицанием новых порядков, часто игнорировавших специфику крестьянского традиционализма или откровенно враждебных ей. Исследование показывает, что переход к социалистической системе сопровождался не только внешними реформами, но и внутренним социальным кризисом, указывающим на необходимость учета локальных традиций и культуры при проведении преобразований. Понимание причин и проявлений социальной аномии в этот период важно для осмысления этапов формирования советской социалистической системы и поиска путей предотвращения подобных кризисов в будущем.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Бергман Г. «Есенин — знамя упадочных настроений» / Г. Берман // Комсомольская правда. — 1926. — 15 июня. — № 131. — С. 2—3.
2. Бобрышев И. Мелкобуржуазные влияния среди молодежи / И. Бобрышев. — Москва — Ленинград : Молодая гвардия, 1928. — 140 с.
3. Бухарин Н. И. Злые заметки / Н. И. Бухарин. — Москва ; Ленинград : Государственное издательство, 1927. — 19 с.
4. Гаркуш И. Об упадочных настроениях, есенинщине, некоторых фактах самоубийств в вузах и преувеличенных опасностях / И. Гаркуш // Молодой большевик. — 1926. — 15 июня. — № 11. — С. 45.
5. ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1235. (Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет) Оп. 61. Д. 195. Л. 175—175 об.
6. Деревенские думы и сомнения и ответы на них // Журнал крестьянской молодежи. — 1925. — № 1. — Январь. — С. 8.
7. РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. М-1. (Центральный комитет ВЛКСМ) Оп. 23. Д. 749. Л. 48, 79. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 873. Л. 47, 48. Ф. Р-17. Оп. 32. Д. 4. Л. 18, 19, 32.
8. Против пессимизма и ликвидаторского безверия // Комсомольская правда. — 1926. — 1 января. — № 184. — С. 2—3.
9. Обращения студентов к власти. 1921—1930 : комментированный сборник документов / науч. ред. А. Ю. Рожков. — Краснодар : Издательство Кубанского государственного университета, 2023. — 580 с. — ISBN 978-5-8209-2289-3.
10. Серебренников П. Против упадничества и есенинщины / П. Серебренников // Молодой большевик. — 1926. — № 17—18. — С. 7.
11. Упадочное настроение среди молодежи. Есенинщина. — Москва : Издательство коммунистической академии, 1927. — 160 с.
12. Фельдам Ц. «Мало ли есть вкусных ядов...» / Ц. Фельдам // Комсомольская правда. — 1926. — № 131. — 15 июня. — С. 2.

13. ЦГАИПД СПб — *Центральный* государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. Р-16. (Ленинградский губернский комитет ВКП(б)) Оп. 1—6. Д. 6125. Л. 117, 134 об., 162. Ф. Р — 24. (Ленинградский областной комитет КПСС (1927—1991)) Оп. 5 Д. 498. Л. 20, 21, 23, 33, 41, 70, 102, 103, 151, 212.

14. *Что* нам пишут? // Беднота. — 1922. — 14 февраля. — С. 2.

Литература

1. Булдаков В. П. Утопия, агрессия, власть : психосоциальная динамика постреволюционного времени / В. П. Булдаков. — Москва : РОССПЭН, 2012. — 756 с. — ISBN 978-5-8243-1720-6.

2. Дюркгейм Э. Самоубийство / Э. Дюркгейм. — Санкт-Петербург : Союз, 1998. — 494 с.

3. Есиков С. А. Был ли нэп «крестьянским раем»? Крестьянское производство в 1920-е гг. : общесоюзный и региональный аспекты / С. А. Есиков // История сталинизма : крестьянство и власть : материалы международной научной конференции (г. Екатеринбург, 29 сентября — 2 октября 2010 г.). — Москва : РОССПЭН, 2011. — С. 152—161.

4. Есиков С. А. Российская деревня в годы нэпа : к вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья) / С. А. Есиков. — Москва : РОССПЭН, 2010. — 246 с. — ISBN 978-5-8243-1383-3.

5. Кондрашин В. В. Российская деревня в условиях индустриальной модернизации / В. В. Кондрашин. — Москва : Политическая энциклопедия, 2024. — 663 с. — ISBN 978-5-8243-2562-1.

6. Лебина Н. Б. Забота и контроль : социальная политика в советской действительности, 1917—1930-е годы / Н. Б. Лебина, П. В. Романов, Е. Р. Ярская-Смирнова // Советская социальная политика 1920-х—1930-х годов : идеология и повседневность. — Москва : ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2007. — С. 21—65. — ISBN 978-5-903360-04-8.

7. Лебина Н. Б. Советская повседневность. Нормы и аномалии / Н. Б. Лебина. — Москва : Новое литературное обозрение, 2015. — 482 с. — ISBN 978-5-444-80253-3.

8. Лившин А. Я. Настроения и политические эмоции в Советской России. 1917—1932 гг. / А. Я. Лившин. — Москва : РОССПЭН, 2010. — 341 с. — ISBN 978-5-8243-1358-1.

9. Мангейм К. Проблема поколений / К. Мангейм // Новое литературное обозрение. — 1998. — № 2 (30). — С. 7—47.

10. Мертон Р. К. Социальная структура и аномия / Р. К. Мертон // Социология власти. — 2010. — № 4. — С. 211—223.

11. Орлова Ю. Крестьянские настроения в 1926 году / Ю. Орлова // Отечественные записки. — 2004. — № 1. — С. 415—437.

12. Рожков А. Ю. В кругу сверстников : жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов / А. Ю. Рожков. — Москва : Новое литературное обозрение, 2014. — 630 с. — ISBN 978-5-4448-0559-6.

13. Рожков А. Ю. Трансформация ценностных ориентаций сельской молодежи Кубани в условиях межпоколенческого разрыва (1920-е гг.) / А. Ю. Рожков // Голос минувшего. — 2016. — № 3—4. — С. 164—182.

14. Серегина С. А. «Над собою чуть не взвод расправу учинил...» : к истории самоубийств «из подражания Есенину» / С. А. Серегина // Сергей Есенин : Личность. Творчество. Эпоха. — Москва — Константиново — Рязань : Издательство ГМЗ С. А. Есенина, 2016. — С. 382—394.

15. Слезин А. А. Конфликт поколений в духовной сфере сельского общества второй половины 1920-х годов / А. А. Слезин // Крестьяноведение. — 2023. — Т. 8. — № 1. — С. 45—66.

16. Стецура Ю. А. Молодежь в постреволюционном преобразовании России в 20—30-е годы / Ю. А. Стецура. — Москва : Социум, 1998. — 179 с.

17. Тяжельникова В. С. Самоубийства коммунистов в 1920-е гг. / В. С. Тяжельникова // Отечественная история. — 1998. — № 6. — С. 158—173.
18. Шанин Т. История поколений и поколенческая история / Т. Шанин // Человек. Общество. Управление. — 2005. — № 3. — С. 6—25.
19. Gorsuch A. Youth in Revolutionary Russia : Enthusiasts, Bohemians, Delinquents / A. Gorsuch. — Bloomington, Indianapolis : Indiana University Press, 2000. — 274 p. — ISBN 0-253-33766-6.
20. Kenez P. The Birth of the Propaganda State : Soviet Methods of Mass Mobilization, 1917—1929 / P. Kenez. — Cambridge : Cambridge University Press, 2003. — 308 p. — ISBN 0-521-31398-8.
21. McVay G. Yesenin's Posthumous Fame, and the Fate of His Friends / G. McVay // The Modern Language Review. — 1972. — Vol. 67. — № 3. — Pp. 590—602.
22. Pinnow K. Lost to the Collective : Suicide and the Promise of Soviet Socialism, 1921—1929 / K. Pinnow. — Ithaca ; London : Cornell University Press, 2010. — 288 p. — ISBN 978-0-8014-4766-2.

Статья поступила в редакцию 11.03.2026,
одобрена после рецензирования 20.08.2026,
подготовлена к публикации 14.09.2026.

Material resources

- Against pessimism and liquidationist lack of faith. (1926). *Komsomolskaya Pravda*, 184: 2—3. (In Russ.).
- Bergman, G. (1926). “Yesenin — the banner of decadent sentiments”. *Komsomolskaya Pravda*, 131: 2—3. (In Russ.).
- Bobryshev, I. (1928). *Petty-bourgeois influences among youth*. Moscow — Leningrad: Molodaya Gvardiya Publ. 140 p. (In Russ.).
- Bukharin, N. I. (1927). *Evil notes*. Moscow; Leningrad: State Publishing House. 19 p. (In Russ.).
- Decadent mood among young people. Yesenin region*. (1927). Moscow: Publishing House of the Communist Academy. 160 p. (In Russ.).
- Feldam, Ts. (1926). “There are few delicious poisons...”. *Komsomolskaya Pravda* 131: P. 2. (In Russ.).
- GARF — *The State Archive of the Russian Federation. F. 1235. (All-Russian Central Executive Committee)*. (In Russ.).
- Garkush, I. (1926). On decadent moods, Yeseninism, some facts of suicides in universities and exaggerated dangers. *Young Bolshevik*, 11: P. 45. (In Russ.).
- RGASPI — *Russian State Archive of Socio-political History. F. M-1. (Central Committee of the Komsomol)*. (In Russ.).
- Rozhkov, A. Y. (ed.). (2023). *Appeals of students to the authorities. 1921—1930: a annotated collection of documents*. Krasnodar: Publishing House of Kuban State University. 580 p. ISBN 978-5-8209-2289-3. (In Russ.).
- Serebrennikov, P. (1926). Against decadence and Yeseninism. *Young Bolshevik*, 17—18: P. 7. (In Russ.).
- TSGAIPD SPb — *Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg. F. R-16. (Leningrad Provincial Committee of the CPSU(b))*. (In Russ.).
- Village thoughts and doubts and answers to them. (1925). *Journal of peasant Youth*. P. 8. (In Russ.).
- What are they writing to us? (1922). *The poor*: P. 2. (In Russ.).

References

- Buldakov, V. P. (2012). *Utopia, aggression, power: the psychosocial dynamics of post-revolutionary times*. Moscow: ROSSPEN. 756 p. ISBN 978-5-8243-1720-6. (In Russ.).

- Durkheim, E. (1998). *Suicide*. Saint Petersburg: Soyuz Publ. 494 p. (In Russ.).
- Esikov, S. A. (2010). *The Russian village in the years of the NEP: on the question of alternatives to Stalinist collectivization (based on the materials of the Central Chernozem region)*. Moscow: ROSSPEN. 246 p. ISBN 978-5-8243-1383-3. (In Russ.).
- Gorsuch, A. (2000). *Youth in Revolutionary Russia: Enthusiasts, Bohemians, Delinquents*. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press. 274 p. ISBN 0-253-33766-6.
- Kenez, P. (2003). *The Birth of the Propaganda State: Soviet Methods of Mass Mobilization, 1917—1929*. Cambridge: Cambridge University Press. 308 p. ISBN 0-521-31398-8.
- Kondrashin, V. V. (2024). *The Russian village in the conditions of industrial modernization*. Moscow: Political Encyclopedia. 663 p. ISBN 978-5-8243-2562-1. (In Russ.).
- Lebina, N. B. (2015). *Soviet everyday life. Norms and anomalies*. Moscow: New Literary Review. 482 p. ISBN 978-5-444-80253-3. (In Russ.).
- Lebina, N. B., Romanov, P. V., Yarskaya-Smirnova, E. R. (2007). Care and control: social policy in Soviet reality, 1917—1930s. In: *Soviet social policy of the 1920s—1930s: ideology and everyday life*. Moscow: OOO “Variant”, TSPGI. 21—65. ISBN 978-5-903360-04-8. (In Russ.).
- Livshin, A. Ya. (2010). *Moods and political emotions in Soviet Russia. 1917—1932*. Moscow: ROSSPEN. 341 p. ISBN 978-5-8243-1358-1. (In Russ.).
- Mannheim, K. (1998). The problem of generations. *New Literary Review*, 2 (30): 7—47. (In Russ.).
- McVay, G. (1972). Yesenin's Posthumous Fame, and the Fate of His Friends. *The Modern Language Review*, 67 (3): 590—602.
- Merton, R. K. (2010). Social structure and anomie. *Sociology of power*, 4: 211—223. (In Russ.).
- Orlova, Yu. (2004). Peasant sentiments in 1926. *Domestic notes*, 1: 415—437. (In Russ.).
- Pinnow, K. (2010). *Lost to the Collective: Suicide and the Promise of Soviet Socialism, 1921—1929*. Ithaca; London: Cornell University Press. 288 p. ISBN 978-0-8014-4766-2.
- Rozhkov, A. Y. (2016). Transformation of value orientations of rural youth of Kuban in conditions of intergenerational gap (1920s). *Voice of the past*, 3—4: 164—182. (In Russ.).
- Rozhkov, A. Yu. (2014). *In the circle of peers: the life world of a young man in Soviet Russia in the 1920s*. Moscow: New Literary Review. 630 p. ISBN 978-5-4448-0559-6. (In Russ.).
- Seregina, S. A. (2016). “He almost killed himself with a platoon...”: on the history of suicides “from imitation of Yesenin”. In: *Sergey Yesenin: Personality. Creation. Era*. Moscow — Konstantinovo — Ryazan: Publishing House of the State Museum of Fine Arts S. A. Yesenin. 382—394. (In Russ.).
- Shanin, T. (2005). History of generations and generational history. *Man. Community. Management*, 3: 6—25. (In Russ.).
- Slezin, A. A. (2023). The conflict of generations in the spiritual sphere of rural society in the second half of the 1920s. *Peasant Studies*, 8 (1): 45—66. (In Russ.).
- Stetsura, Yu. A. (1998). *Youth in the post-revolutionary transformation of Russia in the 20—30s*. Moscow: Socium Publ. 179 p. (In Russ.).
- Tyazhelnikova, V. S. (1998). Suicide of communists in the 1920s. *Russian history*, 6: 158—173. (In Russ.).
- Yesikov, S. A. (2011). Was the NEP a “peasant paradise”? Peasant production in the 1920s: All-Union and regional aspects. In: *History of Stalinism: peasantry and power: proceedings of the International scientific conference (Yekaterinburg, September 29 — October 2, 2010)*. Moscow: ROSSPEN. 152—161. (In Russ.).

*The article was submitted 11.03.2026;
approved after reviewing 20.08.2026;
accepted for publication 14.09.2026.*